

Магомадова Эльза Исаевна

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса,
Чеченский государственный университет

Elsa I. Magomadova

Senior lecturer of the Department

civil law and procedure,

Chechen state University

Zeka0708@yandex.ru

Проблемы привлечения переводчика в судебном производстве в России

Problems of attracting an interpreter in court proceedings in Russia

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы, связанные с привлечением переводчика в судебном производстве. Автор отмечает, что оценка уровня профессионализма переводчика осуществляется исключительно судьей, исходя из его персональных представлений о должном качестве желаемого перевода. В практике же рассмотрения арбитражными судами дел административно-правового характера нередко ситуации привлечения специалистов, но процессуальный статус специалиста значительно облегчен в сравнении со статусом эксперта.*

***Ключевые слова:** судебный переводчик, эксперт, специалист, проблемы, компетентность.*

***Abstract.** The article deals with the problems associated with the involvement of an interpreter in court proceedings. The author notes that the assessment of the level of professionalism of the translator is carried out exclusively by the judge, based on his personal ideas about the proper quality of the desired translation. In the practice of consideration of administrative law cases by arbitration courts, there are often situations of attracting specialists, but the procedural status of a specialist is much easier in comparison with the status of an expert.*

***Key words:** court interpreter, expert, specialist, problems, competence.*

В современном мире глобальные процессы затронули все сферы деятельности человека, в том числе, и юриспруденцию. Люди свободно могут перемещаться во все уголки Земли, но если дело касается юридической ответственности, то они сталкиваются с проблемой перевода в судебной практике. Е.П. Гришина отмечает, что «представители более 190 этнических групп, граждане иных государств, мигрировавших и осуществляющих на территории России временно или постоянно свою трудовую деятельность», сталкиваются с проблемой понимания русской речи, на которой ведется судопроизводство, согласно Конституции РФ [2]

Как отмечает Л.В. Косинова в своей работе «Проблемные аспекты участия переводчика в уголовном производстве», проблема возникает из-за трудности найти носителя языка, компетентности в переводе и т.п. [7].

Л.Ю. Василенко же отмечает, что в России отсутствуют единые деонтологические принципы поведения судебного переводчика, что является необходимостью. Конфиденциальность, профессионализм, моральные качества – основные представления о должном поведении переводчика [1].

Таким образом, как было отмечено ранее, в многонациональном государстве есть необходимость привлечения переводчика. Какие же требования предъявляются к нему, прежде всего? Отметим, что если говорить о свободном владении языком, то законодатель, скорее всего, предполагает наличие такого уровня знаний, умений и навыков переводчика, который позволяет ему без посторонней помощи воспринимать информацию на иностранном языке, осознавать ее (интерпретировать), а потом воспроизводить получателю в доступной для него форме. При необходимости обратной связи – осуществлять те же действия, но уже с переводом на русский язык.

На наш взгляд, конструируя названные нормы, законодатель не учел ряд очень важных, как нам кажется, моментов, существенно влияющих на реализацию данного требования. То есть, понятие «свобода» и производные от него носят в известной степени оценочный характер и в различных ситуациях данная характеристика одного и того же переводчика может варьироваться в диаметрально противоположных значениях (например, если реципиент – получатель перевода – характеризуется низким уровнем образования и культуры, то владение языком переводчика может выглядеть весьма свободным, чего не скажешь о реципиенте интеллектуале, являющимся представителем, допустим, высокотехнологичной сферы, где обыденным является использование специфической терминологии). Формулировка не содержит каких-либо указаний на степень профессиональной подготовленности переводчика: наличие лингвистического образования, наличие документов, подтверждающих прохождение повышения квалификации или переподготовки, наличие опыта деятельности в качестве переводчика и т.д.

Право привлечения переводчика закреплено только за судьей, остальные участники могут лишь предложить кандидатуры, которые, в конечном счете, рассматривает также судья. Из этого следует, что оценка уровня профессионализма переводчика осуществляется исключительно судьей, исходя из его персональных представлений о должном качестве желаемого перевода.

В практике рассмотрения арбитражными судами дел административноправового характера нередки ситуации привлечения специалистов. Заметим, что процессуальный статус специалиста значительно облегчен в сравнении со статусом эксперта. При наличии общих черт, таких как глубокая осведомленность в той или иной сфере, право знакомиться с материалами дела и заявлять ходатайства на получение дополнительных материалов, право отказываться от выполнения своих обязанностей и пр., указанные участники имеют и отличия, которые состоят в следующем:

эксперт	специалист
обладает специальными знаниями	обладает специальными знаниями
дает заключение	дает консультацию
вправе контактировать с другими участниками судебного процесса	не имеет права контактировать с другими участниками судебного процесса права лишен
несет материальную ответственность за несвоевременное выполнение своих обязанностей,	не несет материальную ответственность за несвоевременное выполнение своих обязанностей
несет уголовную ответственность за дачу заведомо ложного заключения	не несет уголовную ответственность за дачу заведомо ложного заключения и о ней не предупреждается

Дело в том, что эксперт и специалист, как показал сравнительный анализ, несмотря на отдельные отличия, играют весьма схожую роль в арбитражном процессе. Если абстрагироваться от нормативных границ, то их общая задача состоит в восполнении пробелов, выявленных в ходе судебного разбирательства, осуществляемом посредством ответов на вопросы, разрешение которых судом самостоятельно невозможно или крайне затруднительно в силу отсутствия у судьи необходимых специальных познаний.

Иными словами – и эксперт, и специалист играют по сути одну и ту же роль с тем лишь исключением, что последний не несет ответственности за предоставленную консультацию. На наш взгляд, это не вполне оправданно. Действительно, с учетом процессуального положения специалиста в гражданском процессе это лицо не предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложной консультации, но означает ли это, что данное лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности? Полагаем, что нет. Значит ли это, что лицо, дающее заведомо ложную консультацию, осознает свою безнаказанность в случае его изблечения? Полагаем, что ответ в этом случае будет утвердительным.

И, наконец, станет ли специалист, отвечая на вопросы судьи, давать ложные показания, зная, что ему грозит ответственность? Ответ на этот вопрос зависит от многих факторов и не столь однозначен как предыдущие, однако, по нашему мнению, назрела необходимость пересмотра законодателем отношения к столь необходимой, а порой и незаменимой процессуальной фигуре в контексте его ответственности за дачу заведомо ложной консультации. В качестве выхода из столь непростой ситуации на практике нередко используют «подмену» статусов, допрашивая специалиста в качестве свидетеля, что формально не запрещено действующим законодательством, но в то же время позволяет закрепить полученные сведения.

Порой, свидетельские показания при невозможности явки свидетеля в судебное заседание оформляются у нотариуса, однако суд вряд ли их примет со ссылкой на то, что свидетель в ходе заседания непосредственно не допрашивался, судом об ответственности за дачу заведомо ложного заключения не

предупреждался, что делает невозможными такие показания как достоверные доказательства [5].

Мы полагаем, это, в известной степени, вредит целям правосудия, поскольку свидетель играет принципиально иную роль, нежели специалист. Свидетель несет уголовную ответственность за дачу ложных показаний в силу своей осведомленности о событиях или фактах, имеющих значение для дела. Специалист такими знаниями не обладает, более того, строго говоря, он вообще не имеет отношения к предмету судебного разбирательства, а потому свидетелем быть не может, как не может и не должен нести уголовную ответственность за дачу ложных свидетельских показаний.

Думается, что единственно возможным выходом из сложившейся ситуации является внесение дополнения в статью 55.1 АПК РФ, предусматривающего уголовную ответственность за дачу заведомо ложных показаний специалистом в соответствии со статьей 307 УК РФ. Данная мера, несмотря на ее кажущуюся жесткость и избыточность, способна повлиять на осознанное, дисциплинированное и, главное, ответственное отношение лиц, привлекаемых в качестве специалистов в арбитражном суде, к выполнению возложенных на них обязанностей[4]. Обратим внимание на то, что законодатель почти единообразно подошел к определению содержания прав, обязанностей и ответственности данного участника правоотношений в различных отраслях права[5].

В заключении отметим, что механизм отвода, самоотвода переводчика не урегулирован, что ведет в последующем к проблемам юридического характера [3]. Как известно, свободное владение языком не предполагает его перевод на иной язык, что наводит на мысль о несостоятельности указанного требования, предъявляемого к переводчику. Выявленные в ходе нашего теоретического исследования проблемы привлечения переводчика в судебном производстве остаются актуальными, что вызывает необходимость дальнейшего поиска механизма урегулирования их.

Литература:

1. Василенко, Л.Ю. К вопросу о профессионально-этическом кодексе судебного переводчика // Вестник Российского университета дружбы народов. 2013. С. 5–10.

2. Гришина Е.П. Реализация принципа национального языка судопроизводства при участии переводчика в уголовном процессе России: монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 208 с.

3. Имамудинова Г.Я. Актуальные вопросы участия переводчика в уголовном процессе России: автореф. дисс... канд. юрид. наук. - Челябинск, 2011. - С. 14-15.

4. Кузнецов О.Ю. Правосубъектность переводчика в гражданском судопроизводстве и порядок ее приобретения. // Современное право: Научнопрактический журнал. 2007. № 10. – С. 40-50.

5. Кузнецов, О.Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве: монография. – М.: Изд-во МПИ ФСБ России, 2006. – 256 с.

6. Медведев, С.В. О несовершенстве правового регулирования участия переводчика в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2017. С. 33–36.

7. Косинова Л.В. Проблемные аспекты участия переводчика в уголовном производстве. Электронный ресурс [www.ling-expert.ru/conference/langlaw8/kosinowa.html] (Дата обращения 24.04.2019)

Literature:

1. Vasilenko, L. Yu. *On the issue of professional and ethical code of judicial translator // Bulletin of the Russian University of friendship of peoples.* 2013. P. 5-10.

2. Grishina E. P. *Implementation of the principle of the national language of legal proceedings with the participation of an interpreter in the criminal process of Russia: monograph.* – Moscow: Yurlitinform, 2014. – 208 p.

3. Imamutdinov G. Y. *Topical issues of participation of an interpreter in criminal proceedings of Russia: Avtoref. Diss... kand. the faculty of law. sciences'.* - Chelyabinsk, 2011. p. 14-15.

4. Kuznetsov O. Yu. *Personality of an interpreter in civil proceedings and the procedure for its acquisition. // Modern law: scientific and Practical journal.* 2007. № 10. P. 40-50.

5. Kuznetsov O. Yu. *Translator in Russian criminal proceedings: monograph.* – M.: Publishing house of MPI, FSB of Russia, 2006. – 256 p.

6. Medvedev S. V. *On the imperfection of the legal regulation of the translator's participation in criminal proceedings // Russian justice.* 2017. – P. 33-36.

7. Kosinova L. V. *Problematic aspects of the participation of an interpreter in criminal proceedings. Electronic resource [www.ling-expert.ru/conference/langlaw8/kosinowa.html] (accessed 24.04.2009)*